

ДЮКЪ ДЕ-РИШЕЛЬЕ

НА КАВКАЗЪ.

ОСНОВАНІЕ НОВОРОССІЙСКА.

ПРОФЕССОРА В. К. МАДЛЕРА

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ В. КИРХНЕРА (ПУШКИНСКАЯ УЛ., Д. № 19)

1893.

ДЮКЪ ДЕ-РИШЕЛЪЕ

НА КАВКАЗЪ.

ОСНОВАНІЕ НОВОРОССІЙСКА.

ПРОФЕССОРА В. К. НАДЛЕРА

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ В. КИРХНЕРА (ПУШКИНСКАЯ УЛ., Д. № 19)

1893.

ДЮКЪ ДЕ-РИШЕЛЬЕ НА КАВКАЗЪ.

ОСНОВАНІЕ НОВОРОССІЙСКА.

Кавказъ съ его неприступными горвыми твердынями оставался въ началѣ XIX-го вѣка еще въ полномъ и безспорномъ обладаніи своихъ полудикихъ воинственныхъ обитателей. Россія стала въ тѣ времена уже твердою ногою на сѣверной и на южной окраинѣ хребта, она успѣла уже закрѣпить за собою линіи Кубани и Терека, она владычествовала уже въ Грузіи и на западномъ побережьи Каспійскаго моря, но настоящій Кавказъ съ его гигантскими горными массивами, съ его безчисленными долинами и ущельями, съ его дремучими лѣсами и альпійскими лугами, представлялъ еще изъ себя исполинскую крѣпость, населенную много численными, свободными племенами самаго разнообразнаго происхожденія, смотрѣвшими на войну и на грабежъ, какъ на свое истинное призваніе и источникъ жизни. Восточное побережье Чернаго моря, покрытое почти сплошь скалистыми неприступными возвышенностями, считалось въ тѣ времена достояніемъ Османской имперіи, хотя въ дѣйствительности турки владѣли здѣсь лишь нѣсколькими укрѣпленными пунктами. Эти пункты имѣли, однако же, и для нихъ, и для кавказскихъ горцевъ большое

значеніе, такъ какъ тѣхъ приходило обмѣнъ военной контрабанды на живой товаръ. Турки привозили сюда черкесамъ оружіе, порохъ и другіе боевые снаряды и получали за нихъ отъ черкесовъ тѣхъ красивыхъ женщинъ, которыя считались съ давнихъ поръ на всея мусульманскомъ востокѣ гордостью и украшеніемъ всякаго мало мальски выдающагося гарема.

Само собою понятно, что Россія, уже въ силу своихъ собственныхъ интересовъ, не могла относиться равнодушно къ этой торговлѣ, но всѣ попытки положить ей предѣлъ не приводили ни къ чему до тѣхъ поръ, пока Турція оставалась въ миру съ Россією. Въ 1807 году турки, подстрекаемые Наполеономъ, объявили войну Россіи, и теперь наступилъ само собою моментъ, когда русскіе могли, наконецъ, предпринять рядъ экспедицій противъ турецкихъ крѣпостей на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. Уже въ 1807 г. дюкъ де Ришелье завладѣлъ самою сѣверною изъ этихъ крѣпостей, Анапою; въ 1810 г. былъ взятъ штурмомъ Сухумъ Кале; теперь въ 1811 году дюкъ получилъ изъ Петербурга приказаніе завладѣть укрѣпленіемъ Суджукъ-Кале

къ югу отъ Анапы. Ему вѣдѣно было сосредоточить для этой экспедиціи въ Анапѣ шесть тысячъ пѣхоты, нѣскольکو казачьихъ полковъ и довольно многочисленную артиллерію. Черноморская эскадра въ составѣ десяти военныхъ кораблей должна была оказать ему въ этомъ предпріятіи всевозможное содѣйствіе и снабжать его отрядъ съѣстными и боевыми припасами.

Очевидно, въ Петербургѣ придавали большое значеніе занятію Суджукъ-Кале, хотя ни въ Тамани, ни даже въ самой Анапѣ, дюкъ не могъ собрать никакихъ точныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній относительно этого мѣста. Черноморское побережье Кавказа была въ то время не только враждебною, но и совершенно неизвѣстною страню. Суджукъ Кале находился всего лишь въ двухъ небольшихъ переходахъ отъ Анапы, а между тѣмъ ни одному изъ кубанскихъ казаковъ не удавалось еще побывать близъ этой крѣпости. Одни только черкесскіе перебѣжчики и наши немногіе союзники изъ горцевъ могли передать Рихелье кое-какія свѣдѣнія какъ о путяхъ, ведущихъ къ Суджуку, такъ и о самой крѣпости. Изъ ихъ показаній выходило, что дорога отъ Анапы къ Суджуку идетъ почти все время по довольно ровной и открытой мѣстности, что вблизи ея нѣтъ ни большихъ лѣсовъ, ни опасныхъ дефилеевъ и что нѣтъ никакого основанія опасаться на этомъ пути какой-бы то ни было засады, или внезапныхъ нападеній. Самый Суджукъ-Кале расположенъ былъ, по словамъ горцевъ, въ концѣ глубокой и длинной бухты, почти что закрытой со стороны моря. Вокругъ крѣпости, говорили они, простирается обширная низменность, частью луговая, частью лѣсистая; къ югу отъ равнины поднимаются горы, не особенно высокія и покрытыя сплошнымъ лѣсомъ. Что же касается до самой крѣпости, то она состоитъ изъ большаго четырехугольника, обнесеннаго каменными стѣнами и укрѣпленнаго нѣ-

сколькими башнями. «Это старое гнѣздо,—говорили горцы,—построено не за нашу память, какими то франками. Теперь оно совсѣмъ брошено, тамъ нѣтъ даже вовсе жилья, занять его можно безъ всякаго труда и безъ потери».

Таковы были рассказы перебѣжчиковъ, но дюкъ, хорошо наученный опытомъ прежнихъ своихъ экспедицій, относился къ нимъ съ большимъ недоверіемъ. Онъ рѣшился приступить къ дѣлу со всевозможными осторожностями и отдѣлаться прежде всего, во что бы то ни стало, отъ тѣхъ Нарышкиной и ея спутницы, горѣвшихъ нетерпѣніемъ побывать поскорѣе въ Азіи и увидѣть, наконецъ, настоящихъ черкесовъ. Дюкъ постарался доставить имъ, какъ можно скорѣе, и то, и другое удовольствіе. Уже на другой день послѣ прибытія въ Тамань, Рихелье объявилъ, что экспедиція начинается, и предложилъ дамамъ занять мѣста въ приготовленной для нихъ изящной коляскѣ, запряженной шестью прекрасными лошадьми. Нарышкина и ея спутницы, не имѣвшія, разумѣется, ни малѣйшаго представленія ни о Кавказѣ, ни о войнѣ съ горцами, спѣшили съ восторгомъ послѣдовать приглашенію герцога. Ихъ чисто дѣтская радость не знала предѣловъ, когда они увидѣли, что экипажъ ихъ окружилъ блестящій кортежъ всадниковъ,—генераловъ и офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ,—что впереди коляски ѣхала полусотня черноморскихъ казаковъ и что другая полусотня слѣдовала за нею. Кавалькада тронулась въ путь. Погода была восхитительная, чисто лѣтняя: солнце сіяло во всемъ блескѣ, надъ Кубанью и ея плавнями лежала легкая полупрозрачная пелена тумана, вдали на краю южнаго горизонта виднѣлась синяя гряда горъ. Дорога вскорѣ поднялась на возвышенность и пошла высокою равниною, покрытою густою травю. Съ правой стороны открывалось безграничное море, передливавшее на своей зыбкой поверхности всеми цвѣтами лазури; съ лѣвой, но, впрочемъ, на

довольно значительномъ разстояніи отъ дороги, поднимался рядъ невысокихъ лѣсистыхъ холмовъ. Приближающаяся осень клала на всю природу свой невыразимо нѣжный, меланхолическій отпечатокъ, Равнина, на половину выжженная солнцемъ, покрыта была, тѣмъ не менѣе, безчисленными кустами подыи и другихъ сильно пахучихъ растеній. Весь воздухъ наполненъ былъ ихъ ароматомъ. Нигдѣ не было видно ни малѣйшихъ признаковъ культуры и даже человѣческаго жилья. По дорогѣ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, разставлены были казачьи пикеты. Отъ времени до времени къ герцогу подъѣзжали всадники на горячихъ, выхощенныхъ коняхъ. Повидимому, они что то докладывали намѣстнику и подѣ впечатлѣніемъ ихъ донесеній лицо Ришелье, такъ казалось, по крайней мѣрѣ, Нарышкиной, принимало болѣе серьезное, противъ обычнаго, выраженіе. Всѣ эти столь необычныя для свѣтскихъ дамъ обстоятельства возбуждали напряженное вниманіе т-ше Нарышкиной и ея спутницъ и доставляли имъ крайне пріятное, не испытанное до тѣхъ поръ ощущеніе. А тутъ еще прибавилась новая, совершенно особенная случайность. Изъ числа всадниковъ, подъѣзжавшихъ отъ времени до времени къ Ришелье, одинъ выдавался рѣшительно изъ ряда вонъ. То былъ стѣтный, высокий, стройный мужчина, съ благородными, изящными чертами лица, съ черными, какъ смоль, волосами. Его породистый конь, его богатое вооруженіе, его вышитый золотомъ чекмень, золоченный шлемъ, покрывавшій его голову, изобличали на первый взглядъ его высокое происхожденіе, а любезность, съ которой относился къ нему Ришелье, свидѣтельствовала, повидимому, о его высокихъ заслугахъ, о геройскихъ подвигахъ. Любопытство т-ше Нарышкиной было возбуждено въ высшей степени. Неоднократно порывалась она обратиться къ дюку съ вопросомъ на счетъ интересовавшаго ее незна-

комца, но серьезное, озабоченное лицо Ришелье заставляло ее каждый разъ сдерживать свое любопытство. Между тѣмъ, показались вдали бѣлыя стѣны и минареты Анапы. Еще полчаса—и кавалькада вступила въ лагерь экспедиціоннаго корпуса, раскинутый по обширному плато, окружавшему съ трехъ сторонъ крѣпость. Привѣтствуемый громкимъ ура солдатъ, дюкъ подъѣхалъ къ самой Анапѣ и, обмѣнявшись нѣсколькими фразами съ начальникомъ экспедиціоннаго отряда, генераломъ Рудзевичемъ, объявилъ дамамъ, что во всей Анапѣ нѣтъ удобнаго мѣста для ночлега и что онъ предполагаетъ расположиться бивуакомъ въ лагерѣ. Такое предложеніе Ришелье пришлось какъ нельзя болѣе по сердцу «веселой компаніи». „A la guerre, comme à la guerre!“ повторяли Нарышкина и ея спутницы и спутники и съ восторгомъ привѣтствовали тотчасъ же начавшіяся приготовления къ ужину и ночлегу. Никто изъ нихъ не хотѣлъ и слышать о палаткѣ, всѣ предпочли провести ночь подѣ открытымъ небомъ, вокругъ пылающей кострѣ. То были моменты по-истинѣ поэтическіе. Теплый воздухъ, напитанный ароматомъ степной флоры, темносинее небо, усыянное безчисленными звѣздами, тысячи костровъ, ярко пылавшихъ по всему лагерю, людской говоръ, бряцаніе оружія, ржаніе коней и доносимый по временамъ легкимъ вѣтеркомъ гармоническій шумъ морскаго прибоя,—вся эта масса впечатлѣній и звуковъ дѣйствовала на мозгъ какъ имъ то опьяняющимъ, убаюкивающимъ образомъ. Но веселая компанія далека была отъ всякой мысли о снѣ. Превосходный ужинъ, изготовленный искуснымъ поваромъ дюка, французскія и крымскія вина, въ изобиліи доставленныя въ лагерь, располагали къ веселью, къ безконечной болтовнѣ, шуткамъ, смѣху. Самъ дюкъ принималъ, по обыкновенію, участіе въ лагерной пирушкѣ своихъ гостей. Превосходный собесѣдникъ, занимательный рассказчикъ, онъ приковывалъ

къ себѣ, какъ и всегда, общее вниманіе. Нарышкина спѣшила воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы удовлетворить, наконецъ, свое любопытство. «Скажите, — обратилась она къ герцогу, — кто этотъ блестящій всадникъ, подъѣзжавшій къ вамъ нѣсколько разъ во время марша? Одинъ видъ его напоминаетъ исчезнушіе вѣка рыцарства. Вы относитесь такъ внимательны къ его сообщеніямъ. Я готова биться о закладъ, что это герой если не исторіи, то, по крайней мѣрѣ, романа».

«Ваша догадка близка къ истинѣ», отвѣчалъ дюкъ. Гасламъ-гирей—это герой въ полномъ смыслѣ слова, это настоящій левъ на полѣ битвы. Мы многимъ обязаны ему, это нашъ лучшій и вѣрнѣйшій союзникъ между горцами. Любовь привела его въ нашъ лагерь. Его жизнь—это настоящій романъ изъ эпохи рыцарства».

«Вы разжигаете еще болѣе мое и безъ того уже пламенное любопытство», прошу васъ расскажите намъ романическую исторію вашего Гасламъ-Гирея».

«Ваше желаніе для меня приказъ», возразилъ, улыбаясь, дюкъ. «Прошу вниманія. Гасламъ Гирей происходитъ изъ знатнаго татарскаго рода Гиревъ, еще такъ не давно владычествовавшего надъ Тавридою. Послѣ покоренія Крыма русскими отецъ его переселился на Кавказъ въ страну воинственныхъ Абхазовъ, и здѣсь въ 1785 г. увидѣлъ въперные свѣтъ нашъ герой. Несчастіе преслѣдовало его съ самой колыбели. Еще не исполнилось ему и четыре года, какъ отецъ его былъ убитъ могущественнымъ Абхазскимъ княземъ Калабатъ Оглу. Убійца завладѣлъ всѣми стадами и всѣмъ имуществомъ своей жертвы, и маленькій Гасламъ остался не только круглымъ сиротою, но и нищимъ. Надъ несчастнымъ ребенкомъ жалился Мурадинъ Бей, его дальній родственникъ и заклятый врагъ Калабатъ Оглу. Онъ взялъ къ себѣ Гаслама и подъ его надзоромъ сирота—

мальчикъ превратился мало по малу въ стройнаго, красиваго юношу, полнаго воинственной отваги, но одареннаго въ то же время горячимъ, любящимъ сердцемъ. Гасламъ выросъ среди непрерывныхъ войнъ, которыя велъ Мурадинъ Бей то съ Калабатъ-Оглу, то съ другими Абхазскими князьями, то съ Кубанскими казаками. Въ этихъ войнахъ Гасламъ вскорѣ заявилъ себя не только геройскими подвигами, неукротимою отвагою и бѣшеною смѣлостью, но и необыкновенною предприимчивостью и находчивостью въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Очевидно въ немъ таились таланты великаго полководца, и только судьба, забросившая его въ эту дикую страну, помѣшала имъ развиться въ полномъ блескѣ. Но Гасламъ былъ не только герой, но и большой поклонникъ женской красоты. Отъ его зоркаго глаза не могла укрыться дивная красота Миры, дочери его опекуна. Я самъ видѣлъ эту красавицу и могу сказать вамъ, положи руку на сердце: Мира была прелестнѣе всѣхъ черкешенокъ, когда либо видѣнныхъ мною. Гасламъ имѣлъ счастье поправиться Мирѣ, оставалось лишь получить согласіе Мурадина. Молодой герой, рассчитывая на свои заслуги на поляхъ битвъ, не сомнѣвался въ этомъ согласіи, но его ожидало горькое разочарованіе. Мурадинъ смотрѣлъ на любовь съ крайне прозаической точки зрѣнія, а на свою красавицу-дочь какъ на выгодный и дорогой товаръ. «Подумай», отвѣчалъ онъ на предложеніе Гаслама, что моя дочь стоитъ тридцать отборныхъ кобылицъ и столько-же мѣшковъ соли. У тебя лѣтъ ничего. Съ чего ты взялъ, что я могу подарить тебѣ ни за что такой дорогой товаръ? «Гасламъ былъ дѣйствительно круглый бѣднякъ. У него не было ничего, кромѣ его оружія и коня, кромѣ его храбрости и благороднаго происхожденія. Но на его сторонѣ было еще одно неоцѣненное преимущество: любовь красавицы Миры. Мира была дѣвушка недолжная.

Все ея существо возмущилось при мысли, что отецъ ея собирается промѣнять ее на извѣстное количество кобылицъ и мѣшковъ соли. Она объявила Гасламу, что она скорѣе умретъ, нежели разстанется съ нимъ. «Я пойду съ тобою на край свѣта. Я знаю, что ты не отдашь мени ни за какія сокровища въ мѣръ, сказала она ему». «Ну такъ бѣжимъ! воскликнулъ Гасламъ. Я найду прибѣжище и защиту у Кубанскихъ казаковъ».

Въ ту же ночь бѣглецы пустились въ путь. Они уже достигли берега Кубани, но погоня, посланная за ними Мурадиномъ, была уже близка. Изъ сосѣдняго дѣса выскочило пятнадцать всадниковъ на взмыленныхъ коняхъ. То были слуги Мурадина; радостными криками привѣтствовали они свою добычу. Нельзя было терять ни минуты времени. Гасламъ соскочилъ съ коня, оставивъ на немъ свою возлюбленную. Онъ бросился въ кипящія волны Кубани въ своемъ тяжеломъ панцырѣ и во всѣхъ своихъ боевыхъ доспѣхахъ... Одною рукою онъ держалъ за поводъ коня, другою разсѣкалъ воду, свою саблю онъ держалъ въ зубахъ. Мира ухватилаь одною рукою за гриву лошади; въ другой она держала пистолеть. Она указывала имъ на противоположный берегъ рѣки, гдѣ ожидало ихъ спасеніе отъ лютой мести отца, отъ вѣрной смерти. Быстрое теченіе Кубани сносило смѣлыхъ бѣглецовъ, бѣшенныя волны хлестали черезъ голову коня, тяжелый панцырь тянулъ Гаслама въ глубину, но любовь придавала ему сверхчеловѣческія силы. Черезъ десять минутъ они выбились на противоположный берегъ. Сторожевые казаки окружили бѣглецовъ и подвергли ихъ тщательному допросу. Узнавъ, что они имѣютъ дѣло съ грознымъ Мурадиномъ, казаки заперли Гаслама и его возлюбленную въ караульню и дали знать о случившемся атаману, Бурсаку. Гасламъ не боялся смерти, но онъ трепеталъ при мысли, что его и Миру могутъ выдать Мурадину. Онъ умолялъ казаковъ не связывать ему

руку и не отнимать у него оружія. Твердо рѣшился онъ покончить съ собою и Мирю и не отдаваться живымъ въ руки Мурадина. Ничто, по видимому, не могло спасти его, однако же, отъ выдачи. Казаки отобрали у него оружіе и держали его подъ строгимъ присмотромъ. Атаманъ Бурсакъ нашелъ съ своей стороны, что не стоитъ затѣвать изъ за такого пустяка ссоры съ такимъ опаснымъ человекомъ, какъ Мурадинъ и что слѣдуетъ немедленно же препроводить къ нему обратно бѣглецовъ. Судьба Гаслама и Миры висѣла на волоскѣ, когда совершенно случайно я прѣехалъ въ Екатеринодаръ. Бурсакъ доложилъ мнѣ о случившемся, добавивъ съ своею обычною олегмою, что онъ уже распорядился отослать за Кубань Гаслама и его возлюбленную. Я объявилъ ему, что торопиться выдачею нѣтъ никакой надобности, и приказалъ немедленно же привести бѣглецовъ— въ Екатеринодаръ. Я былъ пораженъ геройскимъ видомъ Гаслама и красотою его возлюбленной, а простая повесть ихъ любви тронула меня до слезъ. Я тутъ же объявилъ атаману, что о выдачѣ бѣглецовъ не можетъ быть и рѣчи, что разъ Гасламъ и его невѣста ступили на русскую землю то они находятся ужъ подъ покровительствомъ русскаго Царя. «Мы должны пользоваться такими молодцами какъ Гасламъ, добавилъ я; они могутъ принести намъ гораздо больше пользы, нежели разбойникъ Мурадинъ, столько разъ нарушавшій договоры съ нами». Я сообщилъ вслѣдъ затѣмъ Гасламу, что онъ и его невѣста свободны, что отнынѣ они находятся подъ защитою блага царя. «Если желаешь», сказалъ я въ заключеніе Гасламу, то ты можешь сейчасъ же поступить на царскую службу. Тебѣ назначено будетъ содержаніе, ты получишь чинъ сѣицера». Гасламъ былъ въ восторгѣ. Слезы радости блеснули у него въ глазахъ. «Чѣмъ могу я выразить мою благодарность», сказалъ онъ мнѣ. «Отнынѣ вся жизнь моя будетъ посвящена царской служ-

бѣ. Кровью своею докажу я мою вѣрность и признательность».

И Гасламъ сдержалъ свое слово. Мы приобрѣли въ немъ драгоценнаго союзника. Своєю храбростью, своимъ знаніемъ мѣстности, своею опытностью въ горной войнѣ, онъ оказалъ намъ безчисленныя заслуги. Я дозволилъ Гасламу поселиться въ Крыму, гдѣ онъ приобрѣлъ небольшую землицу. Тамъ онъ женился на Мирѣ, къ которой онъ не прикасался до тѣхъ поръ, не смотря на свою пламенную любовь и на обычаи, господствующіе среди мусульманъ. Въ 1807 году я предпринялъ экспедицію противъ Анапы, и Гасманъ, узнавъ о ней, предложилъ мнѣ тотчасъ-же свои услуги. Онъ горѣлъ желаніемъ доказать мнѣ на дѣлѣ свою преданность и почитаться съ своимъ злымъ врагомъ, Мурадиномъ. Послѣ взятія крѣпости, я снарядилъ экспедицію въ горы, подъ начальствомъ генерала Гангелова. Гасламъ взялъ на себя добровольно роль проводника. Онъ шелъ всегда впереди застрѣльщиковъ. Съ пистолетомъ въ одной рукѣ и шашкою въ другой, полный пламенной отваги, мужественный, ловкій, онъ велъ наши колонны черезъ лѣса и ущелья и первый бросался на непріятеля. Ужасъ шелъ впереди его, смерть за нимъ. За свои геройскіе подвиги, онъ удостоился высшей военной награды, золотой медали на Георгіевской лентѣ. Въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ нашихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Въ 1810 году при штурмѣ Сухумъ-Кале онъ первый взшелъ на стѣны непріятельской крѣпости; въ награду за этотъ свой подвигъ онъ получалъ золотую саблю съ надписью: «за храбрость».

«Вотъ вамъ исторія нашего Гасламъ-Гирея. Завтра, передъ баломъ, который намѣреваются устроить въ честь вашу гг. офицеры одного изъ полковъ, собранныхъ въ этомъ лагерѣ, я буду имѣть удовольствіе лично представить вамъ самого Гаслама. Я

не сомнѣваюсь, что его личность произведетъ на васъ несравненно большее впечатлѣніе, нежели мой сжатый и сухой рассказъ».

Ришелье сдержалъ свое слово. На другой день онъ явился къ м-ше Нарышкиной въ сопровожденіи Гаслама. Избалованная дама высшаго круга посмотрѣла на татарскаго героя, какъ на предметъ забавы. «Прошу васъ», сказала она ему, «возьмите все ваше оружіе, я хочу видѣть васъ готовымъ къ бою». Гасламъ исполнилъ желаніе знатной гостьи: онъ предсталъ передъ нею въ своей воинской одеждѣ и во всеоружіи. «Теперь», сказала Нарышкина, «я желаю-бы, чтобы вы бросились съ саблею въ рукѣ впередъ, точно такъ, какъ бросаетесь вы на непріятеля въ пылу схватки».

«Ваша просьба, госпожа, невыполнима», отвѣчалъ Гасламъ. «Я не умѣю продѣлывать подобныхъ представленій: Если вы желаете видѣть меня въ бою, то прошу васъ отправиться съ нами въ нашу экспедицію. Тамъ покажу я вамъ, какъ сражаюсь я противъ враговъ Императора, моего и вашего господина». Неожиданный отвѣтъ Гаслама смутилъ Нарышкину и она поняла, что она зашла слишкомъ далеко въ своихъ требованіяхъ. До сихъ поръ она смотрѣла на Гаслама, какъ на дитя природы, теперь она убѣдилась, что передъ нею стоитъ настоящій мужчина.

Веселой компаніи недоставало теперь одного: ей хотѣлось увидѣть хотя что-нибудь похожее на настоящую войну. Дюкъ какъ будто былъ не прочь удовлетворить и этому желанію. На другой день, послѣ бала, предпринята была частью отряда рекогносцировка въ окрестности Анапы. Дамамъ разрѣшено было принять участіе въ ней. Само собой понятно, что эта «военная прогулка» предпринята была именно въ такомъ направленіи, гдѣ невозможно было встрѣтить непріятеля. Къ вечеру войска возвратились въ лагерь, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. «Дамы» были край-

не недовольны, но въ виду рѣшительнаго заявленія дюка, что онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ взять на себя отвѣтственности за дальнѣйшее промедленіе въ открытіи настоящихъ военныхъ дѣйствій, м-ше Нарышкина должна была примириться съ своею участью. «Послѣ трехдневнаго подобія кампаніи», говоритъ Рошешуаръ, «м-ше Нарышкина от правилась съ такими же предосторожностями обратно въ Тамань. При разставаніи она трогательно прощалась съ нами всѣми и желала намъ счастья и успѣха въ нашемъ предпріятіи. Въ тотъ-же вечеръ мы узнали черезъ нарочнаго о благополучномъ прибытіи нашихъ путешественницъ въ Тамань и о ихъ благополучномъ отплытіи въ Каффу».

Дюкъ избавился, наконецъ, отъ своихъ милыхъ, но при данныхъ обстоятельствахъ крайне неудобныхъ спутницъ. Ничто не могло, повидимому, задерживать движенія на Суджукъ-Кале. Но, не смотря на прекрасную погоду и на легкій попутный вѣтеръ, обою эскадрѣ, ожидаемой изъ Севастополя, не было ни слуху, ни духу. Прошло восемь дней въ томительномъ ожиданіи. Терпѣніе дюка, наконецъ, истощилось. Опасаясь за исходъ всего предпріятія и крайне нуждаясь въ припасахъ для своихъ войскъ, Ришалье откомандировалъ въ Севастополь адъютанта своего, Стемповскаго, съ приказаніемъ побудить адмирала къ немедленному-же отплытію. Стемповскій исполнилъ возложенное на него порученіе съ необычайною быстротою. Уже на другой день послѣ своего отъѣзда изъ Тамани онъ былъ въ Севастополь и адмиралъ Траверсе объявилъ ему, что эскадра тотчасъ-же выступитъ въ море и что черезъ 48 часовъ онъ надѣется быть на высотѣ Суджукъ-Кале. Стемповскій послѣдовалъ обратно въ Анапу и тотчасъ-же послѣ его прибытія дюкъ отдалъ приказъ къ выступленію.

Войска выступили изъ лагеря въ 11 часовъ вечера. По показаніямъ

проводниковъ, до Суджукъ-Кале было всего лишь около 40 верстъ, а дорога шла все время по открытой и ровной мѣстности. Дюкъ рассчитывалъ пройти все это разстояніе въ теченіе ночи, явиться рано утромъ подъ Суджукомъ и захватить непріятеля врасплохъ. Опасаться измѣны со стороны туземныхъ проводниковъ не было никакого основанія, такъ какъ ихъ показанія подтверждались во всѣхъ отношеніяхъ Гасламъ-Гиреемъ, на вѣрность котораго можно было полагаться безусловно. Тихая, свѣтлая погода и свѣтлая лунная ночь благопріятствовали походу. Солдаты шли на легкѣ, захвативъ съ собою лишь двухдневную порцію сухарей. Дорога оказалась настолько удобною, что движеніе двухъ полныхъ артиллерійскихъ батарей не встрѣтило никакого затрудненія. Строго говоря, войска шли по странѣ совершенно неизвѣстной и не обследованной. Можно было ожидать и внезапнаго нападенія и измѣны со стороны проводниковъ, но Гасламъ былъ все время впереди, онъ тщательно наблюдалъ за проводниками, и герцогъ, испытывшій столько разъ его вѣрность, не обнаруживалъ въ теченіе всего ночнаго перехода никакихъ признаковъ безпокойства.

Въ три часа утра войска расположились бивуакомъ на довольно обширномъ плато, покрытомъ засохшею травой и какимъ-то мелкимъ колючимъ кустарникомъ. Было еще довольно темно. Легкій прохладный вѣтерокъ тянулъ со стороны моря. Полная луна обливала своимъ обманчивымъ свѣтомъ окрестности. Вдали, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, поднимались значительныя возвышенности и темѣли лѣса. Все было тихо и нигдѣ не было замѣтно никакихъ признаковъ осѣдлости или присутствія живаго существа. Вдругъ, влѣво отъ бивуака раздался пронзительный крикъ; черезъ минуту въ отвѣтъ на него послышался такой-же пронзительный крикъ съ противоположной стороны. Было что-то стран-

ное, среднее между воемъ и свистомъ, въ этихъ звукахъ. Неопытное ухо легко могло принисать ихъ какому-нибудь лѣсному звѣрю, но люди бы вальше поняли сразу, что это были сигналы, обычные между кавказскими горцами. Не подлежало сомнѣнiю, что колонна была открыта непріателемъ; съ часу на часъ надо было ожидать нападенiя. Но «мирные черкесы» продолжали увѣрять, что никакого нападенiя не будетъ и что туземцы совершенно не подготовились къ встрѣчѣ нашихъ войскъ.

Дюкъ не довѣрялъ, однако-же, этимъ показанiямъ. Онъ рѣшился идти впередъ съ величайшими предосторожностями. Войска тронулись съ бивуака послѣ часоваго роздыха. Приказано было идти сомкнутою келонною. Казаки и застрѣльщики высланы были впередъ. Офицеры тщательно слѣдили, чтобы не было отставшихъ. Они напоминали солдатамъ, что всякому, кто отстанетъ отъ отряда, грозитъ вѣрная смерть. Послѣ часоваго марша луна начала блѣднѣть и на востокъ показались первыя полосы свѣта. Возвышенное и почти ровное плато, по которому двигались войска, стало замѣтно склоняться къ югу. Отдѣльныя значительныя возвышенности обозначались все явственнѣе на горизонтѣ. Густые, темныя лѣса покрывали склоны горъ. Взоръ войска вступили въ долину, окаймленную съ обѣихъ сторонъ цѣпями холмовъ. Долина эта расширялась постепенно и превратилась, наконецъ, въ широкій, роскошный дугъ. Около шести часовъ утра взошло солнце, и яркiй свѣтъ, смѣнившiй почти сразу полутьму, озарилъ передъ глазами пришедцевъ великолѣпную панораму. У ихъ ногъ простиралась обширная низменность, покрытая травомъ и усѣянная группами деревьевъ и кустарниковъ. На противоположной окраинѣ низменности простиралась бухта Суджукъ-Кале; ея гладкая, зеркальная поверхность покрыта была легкимъ утреннимъ туманомъ. Въ самой глубинѣ бухты

виднѣлась каменная крѣпость, сооруженная когда то генуэзцами, а теперь брошенная и полуразрушенная. Влѣво, на разстоянiи нѣсколькихъ верстъ, раскинулось открытое море, на немъ передъ самымъ входомъ въ бухту стояла на якорѣ наша эскадра. На противоположномъ берегу бухты тянулся горный кряжъ, умѣренной высоты, лѣса, покрывавшiя его склоны, спускались до самаго моря, легкiя облачка лежали на его вершинахъ. Повсюду царствовала мертвая тишина, нигдѣ не было замѣтно присутствiя человѣка.

Колонна спустилась въ береговую низменность и построилась въ боевой порядокъ. Артиллерiя расположилась въ центрѣ, впереди разсыпана была сильная стрѣлковая цѣпь. «Безполезныя предосторожности», замѣчаетъ Рошешуаръ. «Фортъ состоялъ изъ четырехъ стѣнъ, внутри его были однѣ развалины и груды мусора, никто не думалъ защищать эту руину. Войска спокойно расположились бивуакомъ вокругъ давно уже брошенной крѣпости. Мы были крайне разочарованы нашимъ новымъ завоеванiемъ дюкъ де Ришелье считалъ себя жертвою мистификаци. Какимъ образомъ могли предписать изъ Петербурга подобную экспедицію? Для чего было двигать въ походъ шесть тысячъ человѣкъ и многочисленную артиллерiю? Для чего снаряжать цѣлый флотъ изъ десяти кораблей? Къ чему всѣ эти расходы и хлопоты? Для того, чтобы завладѣть четырьмя полуразрушенными стѣнами. Бухта была, правда, великолѣпная, но какую пользу могла принести она намъ въ такой глухой мѣстности? Никто изъ насъ не въ состоянiи былъ дать отвѣта на эти вопросы».

Ришелье выслалъ на развѣдку сильныя казачьи развѣзды. Въ теченiе цѣлаго дня рыскали казаки по всѣмъ сосѣднимъ лѣсамъ и долинамъ, но нигдѣ не нашли они ни одного аула, нигдѣ не встрѣтили ни одного живого существа. Только по ту сторону бухты наткнулись они на битую до-

рогу, покрытую множеством свѣжихъ лошадиныхъ слѣдовъ. Дорога эта шла въ лѣсъ. Казаки разслѣдовали ее на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, но не встрѣтили на ней никого. На обратномъ пути къ берегу бухты они замѣтили небольшое парусное судно, стоявшее на якорѣ. Небольшая возвышенность скрывала его отъ нашего лагеря. Свѣдѣнія, доставленные казаками, вызвали большое оживленіе въ русскомъ станѣ. Становилось очевиднымъ, что непріятель скрывался гдѣ-то вблизи, что онъ устраивалъ засаду; слѣдовало быть наготовѣ противъ всякихъ случайностей.

При наступленіи вечера дюкъ приказалъ увѣдомить эскадру о прибытіи отряда тремя пушечными выстрѣлами. При наступленіи темноты, войскамъ приказано было разложить какъ можно больше bivуачныхъ костровъ. Казалось, что съ кораблей должны были явственно слышать выстрѣлы и замѣтить зарево лагерныхъ огней. Но утро наступило, солнце поднялось во всемъ блескѣ на безоблачномъ небѣ, а эскадра оставалась неподвижною на прежнемъ мѣстѣ. Ршешелье и офицеры его штаба тщательно наблюдали за кораблями черезъ подзорныя трубы, но не замѣтили на ихъ бортахъ никакого движенія. Желая разслѣдовать открытую наканунѣ лѣсную дорогу, Дюкъ отправился самъ на рекогносцировку, взявъ съ собою одинъ казачій полкъ и три горныхъ орудія. Обслѣдовавъ дорогу до того мѣста, гдѣ она круто поворачивала въ гору и терялась въ лѣсномъ ущельи, Ршешелье возвратился къ бухтѣ и, двигаясь вдоль ея берега, приблизился къ эскадрѣ на разстояніи полуторы версты. Онъ приказалъ выпалить три раза изъ орудій, чтобы привлечь на себя вниманіе флота, но не получилъ никакого отвѣта на свой сигналъ. Восемь другихъ выстрѣловъ остались также безъ всякаго результата.

Положеніе становилось критическимъ. Войска захватили съ собою

провіанта всего лишь на двое сутокъ. Окрестная страна не представляла ни малѣйшихъ ресурсовъ. Можно было умереть съ голоду въ этой заброшенной лѣсной глуши. При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Ршешелье вспомнилъ о парусномъ суднѣ, открытомъ наканунѣ казаками. Онъ потребовалъ къ себѣ Ршешуара. «Наши казаки—сказалъ онъ ему—захватили съ собою въ походъ небольшую лодку. Отправляйтесь немедленно же на ней къ торговому судну, возьмите съ собою трехъ расторопныхъ казаковъ и попытайтесь добыть намъ какую-нибудь провизію». Ршешуаръ поспѣшилъ исполнить приказаніе дюка. При его приближеніи на бригѣ подняли французскій флагъ. Ршешуаръ окликнулъ капитана по французски; ему отвѣчали по-итальянски: «капитана на бортѣ нѣтъ». Ршешуаръ продолжалъ свои разспросы и ему отвѣтили, что судно было греческое. Все это показалось графу крайне подозрительнымъ. Онъ пригрозилъ людямъ на суднѣ, что онъ прикажетъ своимъ казакамъ стрѣлять. Угроза подѣйствовала. Капитанъ немедленно-же явился на палубу и объявилъ, что онъ можетъ представить свой патентъ, подписанный французскимъ консуломъ въ Константинополь. Ршешуаръ взшелъ на судно; казаки слѣдовали за нимъ, держа свои ружья наготовѣ. Капитанъ предъявилъ ему свои бумаги; Ршешуаръ посмотрѣлъ ихъ, и онъ показался ему въ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ изъявилъ желаніе осмотрѣть судно, дабы убѣдиться, что на немъ нѣтъ военной контрабанды. При этихъ словахъ Ршешуара капитанъ пришелъ въ ужасъ; онъ бросился къ ногамъ молодаго офицера и умолялъ его указать на отъ своего требованія. «У меня нѣтъ другаго груза, кромѣ молодыхъ дѣвушекъ», объявилъ онъ. «Я поставщикъ гаремовъ, только-что окончилъ свои закупки и собирался уже обратно въ Константинополь, когда у входа въ бухту явился русскій флотъ». Слова капитана, его

смущенный, растерянный видъ усилили подозрѣнія Рошешуара. Не обращая вниманія на просьбы и мольбы грека, онъ тотчасъ же спустился въ каюту въ сопровожденіи своихъ казаковъ. «Я никогда еще не видѣлъ такого рода грузъ», говорилъ онъ, «я горѣлъ желаніемъ провѣрить показанія капитана». Они оказались вполнѣ справедливыми. Вся каюта была набита биткомъ красивыми дѣвочками; самой старшей изъ нихъ было не болѣе семи лѣтъ. «Трудно себѣ представить ужасъ этихъ малютокъ», замѣчаетъ Рошешуаръ, «смущеніе капитана, уныніе его экипажа и удивленныя фізіономіи моихъ казаковъ». Рошешуаръ оставилъ неприкосновеннымъ оригинальный грузъ. Онъ объявилъ капитану, что русскіе не нуждаются въ его дѣвочкахъ, но что имъ необходима провізія. Провізія на суднѣ оказалась, однако же, слишкомъ мало. Рошешуаръ взялъ ея часть, какъ разъ столько, чтобы хватило на обѣдъ герцогу и его штабу. Онъ щедро заплатилъ за все взятое, но потребовалъ, чтобы провізія доставлена была на берегъ самимъ капитаномъ въ его собственной шлюбкѣ.

Трусливый грекъ, крайне довольный, что русскій офицеръ не заявлялъ ни малѣйшаго желанія конфисковать его живой грузъ, спѣшилъ повиноваться. Не прошло и часа, какъ онъ прибылъ въ лагерь и выгрузилъ припасы изъ своей шлюбки. «Я полагаю», замѣтилъ Рошешуаръ, «что мы должны воспользоваться лодкою этого молодца, чтобы попробовать добраться въ ней до эскадры». — «Я самъ такого же мнѣнія», отвѣчалъ дюкъ, «переговорите съ капитаномъ». Рошешуаръ предложилъ греку ѣхать немедленно на «эскадру». «Это невозможно», завопилъ грекъ, «корабли стоятъ далеко, на морѣ большая зыбь, мои гребцы выбьются изъ силъ». «Безъ разговоровъ», крикнулъ Рошешуаръ. «Отчаливайте!» «Но въ такомъ случаѣ, умоляю грекъ, я прошу васъ, ваше сіятельство, уволить меня лично отъ этой поѣздки.

Мое присутствіе необходимо на суднѣ... Мою шлюбку и моихъ двухъ гребцовъ я предоставляю въ ваше распоряженіе». — «Да я вовсе не нуждаюсь въ вашемъ присутствіи. Ступайте себѣ къ вашимъ дѣвочкамъ, Обойдемся и безъ васъ»... Отдѣлавшись отъ капитана, Рошешуаръ обратился къ дюку: «Теперь я доберусь, навѣрное, до эскадры», сказалъ онъ, «но я попрошу васъ дать мнѣ письменную легитимачію для представленія адмиралу». Дюкъ поспѣшно набросалъ нѣсколько строкъ. Онъ просилъ адмирала немедленно же выгрузить на берегъ весь провіантъ, находившійся на эскадрѣ, но не выразилъ ни однимъ словомъ своего недовольства или удивленія по поводу nepостижимаго бездѣйствія флота.

Рошешуаръ усѣлся въ шлюбку, подложилъ руку на руль и приказалъ гребцамъ грести. Гребцы повиновались, но они работали крайне вяло, а тутъ еще задулъ вѣтеръ съ моря и шлюбка почти не двигалась съ мѣста. Рошешуаръ потерялъ терпѣніе. Онъ взялъ въ лѣвую руку нѣсколько червонцевъ и бутылку рома, а въ правую пистолетъ и далъ понять гребцамъ, что они должны выбрать одно изъ двухъ. Этотъ аргументъ подействовалъ. Гребцы налегли на весла и шлюбка быстро заскользила по волнамъ. Черезъ полчаса наши путники были уже въ открытомъ морѣ. Эскадра была, повидимому, не далеко, но противный вѣтеръ, дувшій на просторѣ съ большою силою, поднималъ такую зыбь, что шлюбка двигалась впередъ крайне медленно. Волны хлестали черезъ бортъ и грозили залить лодку, гребцы выбивались изъ силъ, но Рошешуаръ во время освѣжилъ ихъ силы нѣсколькими глотками изъ своей бутылки и послѣ часовой, отчаянной борьбы съ волнами шлюбка пристала наконецъ къ ливейному кораблю «Ингулу», на которомъ былъ поднятъ адмиральскій флагъ. Капитанъ корабля, Стули, старый пріятель Рошешуара, принялъ его съ отверстыми объятіями, и тотъ

часъ-же провелъ его въ адмиральскую каюту. Траверсе, видимо, былъ смущенъ неожиданнымъ появленіемъ адъютанта дюка де-Ришелье. «Неужели генераль губернаторъ», обратился онъ къ Рошешуару, «прибылъ въ Суджукъ уже два дня тому назадъ. Я этого совершенно не подозрѣвалъ». — «Но, ваше превосходительство», возразилъ Рошешуаръ, «вѣроятно, изволили слышать наши пушечные выстрѣлы?» — «Да, мнѣ докладывали о нихъ, но я полагалъ, что вы еще далеко и объяснялъ эти выстрѣлы стыкою вашего авангарда съ горцами». — Рошешуаръ молчалъ, онъ принялъ видъ, какъ-будто-бы вполне удовлетворяется объясненіями адмирала. Траверсе велѣлъ немедленно-же поднимать якоря и вступать въ бухту. По просьбѣ Рошешуара, онъ приказалъ сдѣлать три пушечныхъ выстрѣла, чтобы дать дюку условленный сигналъ о благополучномъ исходѣ миссіи Рошешуара. «Никогда еще въ жизни», говорилъ впоследствии дюкъ, «пушечные выстрѣлы не доставляли мнѣ такого большого удовольствія, какъ въ тотъ моментъ». Рошешуаръ распрощался съ своими гребцами, онъ подарилъ имъ на прощанье бутылку съ остатками рома и десять червонцевъ.

Гонимая попутнымъ вѣтромъ, эскадра вступила на всѣхъ парусахъ въ бухту. Улучшивъ свободную минуту, Рошешуаръ обратился къ пріятелю своему, Стули, съ вопросомъ: «Неужели на эскадрѣ не слышали выстрѣловъ и незамѣтили подаваемыхъ сигналовъ?». — Мы слышали и видѣли все прекрасно, — отвѣчалъ Стули, — но такъ какъ мы не значимъ ничего въ этой экспедиціи, такъ какъ изъ всей этой исторіи для насъ, моряковъ, не выйдетъ ни выгоды, ни славы, то адмиралъ желалъ, чтобы вы поухаживали за нимъ. Впрочемъ, я только что говорилъ съ адмираломъ, и мнѣ кажется, что онъ самъ сожалѣетъ теперь, что дозволилъ себѣ увлечься чувствомъ досады». — «Я совершенно не зналъ, что при экспе-

диціонномъ отрядѣ, — замѣтилъ онъ между прочимъ, — находится флигель-адъютантъ императора». Досада и смущеніе адмирала усилились еще болѣе, когда я сообщилъ ему, что этотъ флигель-адъютантъ родной племянникъ дюка де-Ришелье. Рошешуаръ засмѣялся при этихъ послѣднихъ словахъ Стули. «Мы не злопамятны, — замѣтилъ онъ, — и скоро забудемъ эту шутку. Главное дѣло сдѣлано. Теперь нашимъ людямъ будетъ что попить и поѣсть».

Уже вечерѣло, когда эскадра бросила якорь въ глубинѣ бухты. Немедленно-же было приступлено къ выгрузкѣ провіанта. Адмиралъ, желая загладить свою ошибку, предложилъ Рошешуару отправиться вмѣстѣ съ нимъ на берегъ къ дюку. Ришелье принялъ маркиза съ изысканною любезностью. О неприятномъ, только что благополучно закончившемся инцидентѣ, не было упомянуто ни единымъ словомъ. Дюкъ попросилъ адмирала поторопиться выгрузкою провіанта и отплыть вслѣдъ затѣмъ обратно въ Севастополь, оставивъ, согласно инструкціямъ, полученнымъ изъ Петербурга, въ суджукской бухтѣ только одинъ фрегатъ.

Это судно должно было оставаться тамъ, пока не будетъ окончено восстановление и вооруженіе брошеннаго генуэзскаго форта.

Уже на другой день послѣ прибытія эскадры, инженерные офицеры, находившіеся при экспедиціонномъ отрядѣ, приступили къ работамъ по укрѣпленію форта. Вокругъ старыхъ стѣнъ проведены были глубокіе рвы и устроены сильныя палисады. Фортъ былъ вооруженъ четырьмя тяжелыми орудіями. Кромѣ артиллеристовъ, въ немъ была оставлена въ качествѣ гарнизона рота гренадеровъ. Русскій флагъ, привѣтствуемый салютомъ съ фрегата, впервые взвился на томъ мѣстѣ, гдѣ раскинулся теперь цвѣтущій, приморскій городъ Новороссійскъ. Въ тотъ моментъ никто, разумѣется, не могъ предвидѣть будущаго значенія вновь занятаго пунк-

та. Можно было сказать только одно: въ Суджукъ-Кале прибрѣтенъ былъ Россією несравненный, созданный самою природою, приморскій портъ.

Работы по укрѣпленію форта продолжались въ теченіе цѣлой недѣли. Нарочно отряженные для этой цѣли рабочія команды занимались рубкою деревьевъ въ сосѣднихъ лѣсахъ и ихъ доставкою къ берегу. Приняты были всѣ мѣры предосторожности на случай внезапнаго нападенія горцевъ. Для прикрытія рабочихъ частей отряжалось ежедневно по нѣсколько баталіоновъ. Сильные казаки разъѣды разсылались по всѣмъ окрестностямъ. Но дни проходили за днями и страна оставалась такою-же безлюдною, какъ и вначалѣ. Работы подходили уже къ концу, когда въ русской лагерь явились два черкесскихъ князя съ объявленіемъ, что они имѣютъ сообщить нѣчто важное своему пріятелю Гасламъ-Гирею. Переговоривъ съ князьями, Гасламъ доложилъ дюку, что они предлагаютъ предпринять экспедицію въ одну сосѣдную долину. По ихъ словамъ, въ этой долинѣ находился главный аулъ какого-то могущественнаго бека, стараго недруга «кубанскихъ казаковъ». «Онъ не унимается»,—добавили они, даже теперь, когда все окрестное населеніе впало въ уныніе по случаю занятія Суджукъ-Кале русскими. Онъ горитъ желаніемъ мести и собирается предпринять набѣгъ на казачьи станицы».—«Но можно ли довѣрять показаніямъ этихъ двухъ пріѣзжихъ князей?»—спросилъ Ришелье Гаслама, выслушавъ его разсказъ.—«Не скрывается ли тутъ какая нибудь хитрость, не хотятъ ли они замануть насъ въ ловушку». «Про то вѣдаетъ одинъ Аллахъ!»—отвѣчалъ Гасламъ, «хотя мнѣ кажется, что беки говорятъ правду». «Въ такомъ случаѣ идемъ», сказалъ Ришелье. «Было бы постыдно возвратиться во свояси, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла».

Всѣ приготовленія къ экспедиціи въ горы были сдѣланы съ вечера. Войскамъ отданъ былъ приказъ быть

готовыми къ выступленію по первому сигналу. Оба черкесскихъ князя отравились еще за свѣтло, уговорившись съ Гасламомъ ожидать отрядъ въ условленномъ мѣстѣ. За два часа до разсвѣта колонна выступала въ путь. Гасламъ, знавшій, какъ свои пять пальцевъ, всѣ дороги и тропинки въ этой лѣсной глуши, ѣхалъ впереди съ сотнею отборныхъ казаковъ. Когда разсвѣло, то войска были уже въ узкой, но довольно ровной долинѣ, по срединѣ которой несся шумящій горный потокъ. Значительныя возвышенности, покрытыя роскошной древесной растительностью, тянулись по окраинамъ долины. Гигантскіе буки и раскидистыя чинары далеко бросали свою тѣнь; мѣстами попадались голыя скалы, воздымавшіяся на значительную высоту. Около полудня долина начала расширяться и перешла мало по малу въ обширную котловину. Показались признаки человѣческаго жилья: небольшие участки, засѣянные просомъ и кукурузою, группы волшебскаго орѣшника, стада барановъ, брошенные своими пастухами. Черезъ нѣсколько минутъ отрядъ достигъ большаго аула, брошеннаго жителями, очевидно, нѣсколько часовъ тому назадъ. Войска расподожились бивуакомъ. Солдаты начали варить кашу, зарѣзали десятка два барановъ и принялись жарить ихъ мясо на угольяхъ. Гасламъ съ казаками уѣхалъ впередъ на мѣсто условленное съ беками. Черезъ полчаса онъ возвратился, страшно взволнованный, весь блѣдный отъ досады и гнѣва. Онъ бросился къ дюку съ такими словами: «Я возмущенъ измѣною бековъ. Они заманули насъ сюда самымъ подлымъ обманомъ. Они дѣйствительно ожидаютъ насъ въ условленномъ мѣстѣ, но вмѣстѣ съ нами ждутъ насъ въ сосѣднемъ лѣсу 10 тысячъ воиновъ. Мерзавцы, они жестоко поплатятся за свое коварство, влявусь въ томъ, или я погибну самъ! Я отомщу имъ, я докажу, что я не способенъ быть измѣнникомъ! Но разсуждать некогда! Готовьтесь

къ бою! Я убѣжденъ, что разбойники не замедлятъ атаковать отрядъ. Спѣшите завладѣть какъ можно скорѣе ущельемъ, зазирающимъ эту котловину. Не позволяйте горцамъ предупредить насъ!» Гасламъ говорилъ дрожащимъ голосомъ, гнѣвъ и досада душили его. Дюкъ постарался успокоить героя. Онъ объявилъ ему, что онъ не сомнѣвается ни на минуту въ его вѣрности. Вслѣдъ затѣмъ Ришелье отдалъ приказъ выступить съ бивуава. Гасламъ бросился впередъ къ дефилею во главѣ двухъ казачьихъ полковъ. Онъ былъ чудно хорошъ въ этотъ мигъ. Онъ сбросилъ съ себя свой чевменъ и предсталъ весь закованный въ латы. Въ одной рукѣ онъ держалъ саблю, другою онъ выхватилъ стрѣлу изъ колчана и положилъ ее на тетиву своего лука. Два баталіона 22-го егерскаго полка и четыре горныхъ орудія двинулись бѣглымъ шагомъ вслѣдъ за казаками къ ущелью. Уже Гасламъ и его всадники подсакали къ самому дефилею, уже пѣхота и артиллерія приблизились къ нему на сотню шаговъ, когда съ обѣихъ сторонъ раздались, повторяемые тысячекратно горнымъ эхомъ, дикіе, провзительные крики. То былъ сигналъ къ атакѣ горцевъ. Мгновенно изъ лѣсу высыпали тысячи вонныхъ воиновъ и съ яростными криками ударили на казаковъ и пѣхоту. Четыре нашихъ горныхъ орудій, заряженныхъ картечью, грянули въ густыя массы всадниковъ. Сотни раненыхъ и убитыхъ горцевъ повалились на землю, но ни повторенные выстрѣлы артиллеріи, ни учащенный огонь егерей, не остановили ни на минуту яростнаго натиска непріятеля. Началась отчаянная рукопашная свалка; все смѣшалось въ дикомъ безпорядкѣ.

Разгоряченные боемъ, горцы не замѣчали, что они попали между двухъ огней: авангардомъ и центромъ. Атакованные съ двухъ сторонъ, осыпанные картечью, поражаемые мѣткимъ ружейнымъ огнемъ нашей пѣхоты, горцы были выброшены изъ ущелья.

Гасламъ спѣшилъ довершить пораженіе непріятеля. Во главѣ своихъ казачьихъ полковъ, онъ стремительно бросился впередъ, намѣреваясь отрѣзать горцевъ отъ лѣса и преградить имъ путь къ отступленію. Онъ несся впереди своихъ всадниковъ, ободряя ихъ своимъ голосомъ и жестами. Уже онъ заскакалъ въ тылъ непріятеля, когда ружейная пуля поразила его въ поясницу. Гасламъ-Гирей обратился къ другу своему, Султанъ-Али. «Поддержи меня», сказалъ онъ, «не позволяй врагамъ нашимъ радоваться моему паденію». Въ этотъ моментъ вторая пуля поразила его въ нижнюю челюсть. Гасламъ упалъ на шею своей лошади. Черкесы привѣтствовали радостными криками паденіе своего злѣйшаго врага. Со всѣхъ сторонъ бросились они на него, чтобы захватить его трупъ, но казаки, обожавшіе Гаслама, съ яростью ринулись на нихъ и отбросили ихъ на нашу пѣхоту. Пораженіе непріятеля было полное. Черкесы оставили на мѣстѣ около двухъ тысячъ труповъ. Казаки преслѣдовали по всѣмъ направленіямъ разбитаго непріятеля, жгли всѣ окрестныя аулы и захватили массу скота и лошадей. Засада, устроенная горцами съ такимъ коварствомъ, дорого обошлась имъ самимъ. Прошло 20 лѣтъ, и черкесы все еще вспоминали о битвѣ, въ которой лишились они лучшихъ своихъ вождей. Потери съ нашей стороны, за исключеніемъ смертельно раненаго Гаслама, были не велики.

Дюкъ де-Ришелье, узнавъ о печальной участи, постигшей его любимаго героя, поспѣшилъ къ умирающему Гасламу. Онъ не потерялъ еще сознанія, слабымъ голосомъ просилъ онъ Ришелье не оставлять своими заботами его жену и дѣтей. Дюкъ пожалъ ему руку. «Будь спокоенъ», сказалъ онъ ему. «Я не оставлю твоей семьи». Ришелье приказалъ похоронить Гаслама въ его родномъ Крыму. Тѣло умершаго перевезено было туда подъ прикрытіемъ почетнаго караула и погребено съ подобающими военными

почестями. Извѣстный въ то время художникъ Алленъ нарисовалъ картину, изображающую праву пере Гасламъ-Гирея и Миры черезъ Кубань. Картина порадила вѣрностью фигуръ и пейзажа. Великій князь Михаилъ Павловичъ приобрѣлъ оригиналъ и приказалъ снять съ него гравюры. Кубанскіе казаки приобрѣтали эти

гравюры, ихъ можно было встрѣтить въ любой казачьей хатѣ, въ каждой станицѣ. Рипелъе взялъ подъ свое особое покровительство семью Гаслама. Герцогъ былъ очень радъ, узнавъ, что Мира вышла внослѣдствіи замужъ за Султанъ-Али, вѣрпѣйшаго друга и сподвижника своего перваго супруга.

